

В.А. Тишков

Нации-государства в историческом и глобальном контексте

Термин *национальное государство* или *nation-state* – это всего лишь синоним для любого суверенного государства с обозначенной и контролируемой территорией и с установленным фактом постоянного населения. Само это понятие стало использоваться после появления Вестфальской системы международных отношений, которая еще в середине XVII в. определила принципы суверенных государств, некоторые из которых действуют и поныне. К. Янг пишет: «В возникновении национального государства не было ничего естественного или предопределенного исторической судьбой. Это сравнительно новое явление в европейской истории – национальные государства стали складываться в момент Французской революции, и в их формировании большую роль сыграли интеллектуальные течения эпохи Просвещения. По мере того как складывалось современное гражданское общество, само понятие нации (национальности) стало сливаться с понятием гражданства и принадлежности к государству... Нации, подобно государствам, обусловлены обстоятельствами, а не всеобщей необходимостью, однако при этом считается, что они предназначены друг для друга и что одно без другого неполно и является трагедией»¹.

Национальные государства и их роль в истории

Рассуждения о том, что есть национальное (или ненациональное) государство, является ли Россия национальным государством, каков должен быть состав населения, чтобы считаться национальным государством – все эти разговоры из арсенала дебатов, когда под национальными государствами понимается этнически обозначенные государственно-административные образования, как, например, в составе Советского Союза. Этот подход включает также утверждения о принадлежности к национальным государствам европейских стран по причине наличия там давно сложившихся наций и их, якобы, этнически гомогенного состава.

Все это упрощенные заблуждения, ибо формирование европейских наций, несмотря на все различия, особенно между т.н. французской (якобинской) и германской моделями нации, между Западной и Восточной Европой, было схоже в двух ипостасях. Во-первых, во всех случаях это были верхушечные проекты, инициированные и осуществляемые элитой, но с опорой и использованием реально существовавших культурно отличительных сообществ в разной степени осознающих свою общность на массовом, низовом уровне. С французской нацией, предписанной революционной

¹ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 92–93.

элитой, а затем бонапартистским режимом, казалось бы, все ясно: это была конструкция, в основу которой был жестко положен культурный компонент и языковой вариант центрального района страны Иль-де-Франс. Но и в случае с германской нацией, где присутствовало обращение к некому извечному «духу нации», ее природным корням, на самом же деле строительство германской нации осуществлялось бисмарковским «огнем и мечом». Схожая ситуация была и в других европейских вариантах. К. Нагенгаст пишет: «Многие “национальности” Восточной и Центральной Европы, в основании которых лежат предполагаемый общий язык, реальные или мифические предки и история, были в буквальном смысле созданы элитами, причем некоторые представители этих элит даже не могли говорить на языках изобретенных таким образом национальностей»².

В интеллектуальных кружках и в академических институтах имели место творческое «воображение наций», вырабатывался вариант замещающего диалекты единого литературного языка, создавались фольклорные эпосы и писалась «национальная история». Э. Кисс отмечает роль таких поборников национального строительства, которые «достигли совершенно разных политических результатов, что особенно наглядно проявилось в случаях с численно небольшими группами, не обладавшими на протяжении своей истории политической независимостью. Так, в 1809 г. некий филолог изобрел наименование “словенцы” и стал творцом словенского национального самосознания... Вместе с тем членам других диалектных групп, например сорбам [лужичанам], так и не удалось выработать единого коллективного самосознания, и их политическое и культурное присутствие в современной Европе никак поэтому не ощущается»³.

Второй общий момент в европейском и в любом ином нациестроительстве заключается в том, что особой гомогенизации населения в его культурных характеристиках добиться не удалось на протяжении всей истории национального государства, включая стадию модернистской глобализации. Ответом на нивелирующее воздействие мирового капитализма и массовой культуры стали феномены «этнического возрождения», «поиска корней», «восстания меньшинств» и т.п. Многие публикации на тему политики самосознания начинаются с того, что отмечается, насколько ошибочной и банальной оказалась та или иная концепция национального государства.

Таким образом, европейские нации не были и не являются ныне некими культурно-гомогенными коллективными телами, некой сакральной, освященной историей и культурой сущностью. Классическая евро-

² *Нагенгаст К.* Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука. 1994. С. 81.

³ *Кисс Э.* Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Там же. С. 148–149.

атлантическая идея нации заключала в себе такую цель, но она не реализовалась. А вот что действительно удалось – так это утвердить среди населения *представления об единой нации* (французов, немцев, итальянцев и т.д.), сформировать чувства сопричастности и лояльности (национального самосознания-идентичности), дисциплинировать население по части исполнения долга перед нацией и обучить его общим для всех членов нации правам и обязанностям. Желаемая культурная гомогенность национальных сообществ по сути обрела обратную инерцию в последние десятилетия в связи с массовой миграцией населения, увеличившей культурную сложность и сверхразнообразие старых, казалось бы, давно сложившихся наций. Однако перестали ли от этого существовать национальные государства и нации по причине утраты реально никогда не существовавшей этнической чистоты?

Если не брать историософскую публицистику, то все эти дебаты не имеют отношения к строгой науке о нации и национализме, а тем более к пониманию природы современных государств, в которых нации отличаются культурной сложностью в этническом, расовом и религиозном отношении. Достаточно посмотреть, кто сегодня составляет французскую, немецкую, британскую нации, не говоря уже об американской и канадской, и ответ будет ясен даже на основе только визуального анализа. Так что нынешние поиски ответа на давний вопрос «что есть нация?» с позиций установления онтологической сущности как культурно-гомогенного коллективного тела являются бесплодными. *Все государства, независимо от состава населения и формы правления, но в которых присутствует в политике и в общественном сознании представление об общности по стране, лояльность и солидарность населения, патриотизм как чувство сопричастности со своей Родиной, имеют основания считать себя нациями.* Другое дело, что в ряде случаев этот термин, заимствованный из Европы, может заменяться схожим по смыслу понятием. Он может быть связан с религией (например, в мусульманских странах с понятием «уммы») или с идеологией т.н. национального вопроса (например, в Китае понятие *джонхуа миндзу* как «нация национальностей»). Наконец, в СССР «советский народ» был гражданско-политической нацией, но только сам термин был отдан в пользование этническим общностям, а народ был объявлен «новым типом исторической общности людей».

Возврат наций и национального государства – это лишь некая метафора как ответ на неолиберализм и постмодерн с их отрицанием данной довольно строго организованной формы социальных коалиций людей в пользу свободы личности, мирового правления и частного интереса. На самом деле эти самые важные и значимые для людей коалиции в форме суверенных согражданств никогда и не сходили с исторической арены трех последних столетий. Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма (не без примеси этнонационализма) было и остается основой успешного и

безопасного существования той или иной страны. Всякие разговоры об отмирании наций-государств исходят от тех, которые уже имеют такую государственность в достатке и даже в избытке. Зато десятки стран мира страдают и переживают драмы из-за того, что в стране нет представления о нации, когда само государство не обладает всеми атрибутами национального государства (прежде всего суверенитетом). В итоге можно сказать, что *nation-state* остается нормой мира современных государств, и сама эта тема остается чрезвычайно актуальной для обществоведов и политиков.

Крупнейшие нации мира и их устройство

Вернемся на стезю практико-ориентированного анализа в той части, которая касается обозначенной нами темы идеи нации и нациестроительства. Поскольку Российская Федерация относится к разряду крупных государств со сложным этническим и религиозным составом населения, нас интересует опыт понимания и управления такого рода обществами в остальном мире. Культурная сложность (на привычном языке – «многонациональность») не является уникальной характеристикой нашей страны, ибо в десятках самых крупных стран (Россия находится на десятом месте по численности населения) нет стран с гомогенным этническим, расовым и религиозным составом населения. Более того, добрая половина стран в первой десятке имеет значительно большее число этнических групп, которые могут называться по-разному: «народы», «нации», «национальности», «меньшинства», «племена», а иногда – вообще не иметь какого-либо категориального обозначения, кроме как «этнии» или «другие». Чаще всего это происходит по причине их официального непризнания со стороны государства. Тем не менее в науке и в международной практике существует традиция определения этнического состава населения государств мира. Особенно сильная традиция такого глобального подсчета существует в отечественной этнологии и статистике.

В 1960-е гг. Институт этнографии АН СССР издал многотомную серию «Народы мира», которая долгое время была наиболее авторитетным источником по данному вопросу и заслужила неофициального перевода на английский язык в США «для служебного пользования». С.И. Брук издал этнодемографический справочник о населении всех стран мира и по каждой стране в нем содержались сведения об этноконфессиональном и расовом составе, хотя все это подводилось под концепцию повсеместного существования этносов, а не каких-либо других форм культурно-отличительных сообществ. В 1998 г. вышла в свет под моей редакцией энциклопедия «Народы и религии мира», в которой было 1250 статей о народах и 450 статей о религиях. Своего рода реестр этнической номенклатуры мира ведет международная организация «Этнолог», а также

свой список этнических групп мира ведет ЦРУ США. Приведем сведения по устройству и составу населения самых крупных стран мира (Таблица 1).

Таблица 1

Государственное устройство и этнический состав крупных стран (2021 г.)

№	Страна	Население	Устройство	Число этнических групп
1	Китай	1 400 970 200	Унитарное с системой автономий: 24 провинций, 5 авт. районов, 30 авт. округов, 117 авт. уездов, 1085 нац. волостей.	Официально признаны 56 национальностей: хань 91.6%, другие 55 (джуан, хуэй-дунгане, маньчжуры, уйгуры, сибо, мяо, наси, лаху, тибетцы, монголы, донг, дзинпо, буи, корейцы, хани, ли, казахи, тай и др. национальности) 7,1%
2	Индия	1 357 580 350	Федерация, парламентская республика, 29 штатов, 7 союзных территорий	Несколько сот наций, народностей и племен; крупнейшие из них: хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, тамилы, гуджаратцы, каннара, пенджабцы и др.
3	США	329 210 630	Федерация, президентская республика, 50 штатов, система резерватов для индейцев	Этно-расовые группы: белые 72,4%, черные 12,6%, азиаты 4,8%, индейцы 0,9%, островные аборигены 0,2%, другие 6,2%, расово-смешанные 2,9%. Испаноамериканцы разной этнической принадлежности 16,3%. Среди белых преобладают выходцы из стран Европы
4	Индонезия	265 015 300	Унитарная, парламентская республика	Около 300 этнических групп: яванцы 40,1%, сунданцы 15,5%, малайцы 3,7%, батаки 3,6%, мадурцы 3%, бетави 2,9%, минангкабау 2,7%, бугисы 2,7%, китайцы 1,2%, папуасы и др. 15%

5	Пакистан	212 631	742	Федерация смешанного типа с этнотерритор. автономиями	Около 100 этнических групп: панджаби 44,7%, пушту 15,4%, синдхи 14,1%, сирайки 8,4%, урду 7,6%, белуджи 3,6%, другие 6,3%
6	Бразилия	211 564	014	Федеративная, президентская республика, 26 штатов	Этничность не учитывается: белые 47,7%, мулаты 43,1%, черные 7,6%, азиаты 1,1%, индейцы 0,4%
7	Нигерия	188 000	500	Федерация, 36 штатов с учетом этнорелигиозного состава	Более 250 народов и племен. Наиболее крупные народности: хауса 22% (42 млн), йоруба 21% (40 млн), игбо (ибо) и иджо 18% (34 млн), фулани 10% (19 млн), ибиббио 5 % (9 млн), канури 4% (8 млн)
8	Бангладеш	167 222	961	Унитарная, парламентская республика	Основное население бенгалыцы 98%, 27 малых этнических групп 1,1%, по др. источникам 75 групп
9	Россия	146 088	877	Федерация с автономиями (22 республики, авт. область, 5 авт. округов)	193 этнические группы: русские 79%, татары 3,7%, украинцы 1,4%, башкиры 1,1%, чувашаи 1%, чеченцы 1%, другие 10,2%, без указания национальности 3,9%
10	Мексика	126 691	577	Федерация без автономий, 31 штат	Метисы (испано-индейские) 62%, индейцы 28%, другие 10% (гл. обр. европейцы). Перепись не собирает данные по этничности
-	Мир в целом	7 759 000	546	202 страны (193 члены ООН), из них 27 федеративных	Около 5-6 тысяч этнических групп и около 7 тысяч языков

Как устроены эти страны, какие идеи и доктрины лежат в основе их государственного строительства и что составляет компоненты национального самосознания (идентичности) таких культурно-сложных обществ? Наше и другие исследования показывают, что крупные страны с этнокультурным и регионально-историческим разнообразием чаще выбирают федеративный тип государственно-административного устройства с делегированием «субъектам

федерации» разной степень полномочий. Это Индия, Индонезия, Нигерия, Бразилия, США и Канады. Россия в этом числе, и этот вариант для нашей страны апробирован историей Российского государства, опытом СССР и уже новой России. Среди крупных стран есть страны с унитарным устройством, но с внутренними автономиями разного уровня (Китай, Индонезия).

Крупные страны по-разному отражают в административно-государственном устройстве регионально-культурные особенности населения. Наиболее распространенный вариант – это смешанный тип, когда внутри федерации или унитарного образования существуют автономные территории (провинции, округа, районы и т.п.), которые имеют этнонациональный профиль и статус, равный или отличный от составляющих федерацию образований. Так устроены Китай с его национальными округами, автономными районами Тибет и Синьцзян, автономными уездами и национальными волостями. Похожим образом устроены другие полиэтничные страны, за исключением европейских стран, где предпочтение отдается экстерриториальной культурной автономии и мусульманских государств, где концепт единой *уммы* не позволяет признавать меньшинства (Турция и Иран).

Некоторые страны на уровне субъектов федерации не придают последним особого этнически обозначенного статуса, но тем не менее их границы организованы с учетом этноязыковых характеристик населения, как, например, в Индии после реорганизации штатов в 1956 г. с учетом этноязыкового состава населения. Однако в Индии имеются особые районы и целые штаты, которые де-факто являются автономиями на этнической основе (например, штат Нагаленд с населением, состоящим из племен *нага*) и даже неконтролируемые центральным правительством районы, как Джамму и Кашмир, где националистическое, сепаратистское движение фактически переродилось в джихадистское подполье. Последний пример имеет особый смысл с точки зрения оценки исторических попыток реализовать «теорию двух наций» на религиозно-этнической (коммуналистской) основе в противовес секулярному и кросс-этническому варианту нациестроительства⁴.

Чтобы не исключать из сравнительно-исторического анализа Европу, приведем пример Испании с точки зрения ее устройства. Испания — полиэтничная страна, где кроме *кастильцев*, живут *каталонцы*, *галисийцы*, *баски*, *окситанцы*, *астурийцы*, *арагонцы*, говорящие на своих языках, имеющие отличительные культурные традиции и сильное коллективное самосознание, основанное к тому же на исторической памяти существования отдельных государственных образований. По своей форме Испания – это конституционная монархия, но идея испанской нации как основы государства

⁴ См. подр.: Шаумян Т.Л. Проблема Джамму и Кашмира // Национализм в мировой истории / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука. 2012. С. 522-573.

утвердилась в XX в., и испанская культура и кастильский (испанский) язык имеют выдающиеся заслуги перед мировой культурой.

Пережив режим **Франко**, когда некастильское население, их культура и языки подвергались насильственной **ассимиляции**, Испания вышла на государственное устройство, основанное на федерации 17 автономий с высоким уровнем самоуправления. Автономные сообщества имеют собственные конституции (статуты), такие культурно мощные и экономически развитые регионы, как Каталония и Страна Басков в своих статутах записали понятия каталонской и баскской наций, и добрая половина населения и политического класса занимают сепаратистские позиции в пользу создания собственных государств. В таком случае закономерен вопрос, а есть ли нация в Испании и кто в нее входит? Естественно, что такой же вопрос тем более закономерен для стран первой десятки по численности населения.

Если, как считают отрицатели российской нации, в Татарстане не все принимают российскую нацию, то уж тем более очень многие не принимают китайскую нацию в Тибете и Синьцзяне, индийскую – в Нагаленде и в Джамму и Кашмире, испанскую – в Каталонии и Стране Басков, французскую – на Корсике, британскую – в Ольстере и Шотландии, канадскую – в Квебеке. И так по всему списку государств с сепаратистскими регионами и общественно-политическими силами. Так что *тезис о наличии разного рода диссидентов внутри той или иной гражданской нации никак не может служить аргументом в пользу отрицания ее существования*. Точно так же как нельзя связывать наличие нации в том или ином государстве с характером ее правления, а точнее – с наличием или отсутствием демократии.

Важно рассмотреть конкретно, как разные страны и их правители и в разные времена, особенно сегодня, «работают с категорией нация» (выражение А.И. Миллера). Прежде всего, нет сомнений, что все крупные полиэтничные страны выбрали в качестве доктринальной основы своей легитимности и обеспечения согласия идею гражданской нации и идеологию национализма как идеологию сопричастности с Родиной, верности и служения Отечеству, т.е. патриотизма. Идея нации как согражданства с общей судьбой, ценностями и ответственностью служит основой фактически всех современных государств, но для крупных стран со сложным составом населения и большими региональными различиями эта идея исторически утверждалась с большим трудом, конкурируя с этническим национализмом, трайбализмом и региональным сепаратизмом. В ряде случаев идею общей нации на полиэтничной основе отвергали представители этнического большинства, как, например, национализм хиндиязычного большинства в Индии или ханьский шовинизм в Китае. Пожалуй, наиболее серьезными противниками российской нации в России также выступают радикальные представители т.н. русского

национализма, а не только нерусские этнонационалисты. В Канаде концепт канадской нации конкурирует с идеей франкофонов о квебекской нации, а также с «первыми нациями» в лице индейцев и инуитов, имеющими внутреннюю автономную территорию и резервационные общины.

Имеются трудные варианты, когда в стране могут конкурировать две или три равнозначные по своим демографическому и культурному потенциалу национальные идеи. Это так называемые двухобщинные или равнообщинные государства, как, например, Бельгия в Европе или Малайзия в Южной Азии. Но и в этих случаях обнаруживаются рецепты для преодоления такого цугцванга и вырабатываются проекты национального строительства.

Еще один распространенный вариант осложненного утверждения концепта гражданской нации среди населения одного государства – это когда на территории одной страны существуют регионы или анклавные территории с населением, этнический состав которых совпадает с преобладающим этническим сообществом соседнего государства, составляющего основу или значительную часть населения уже другой нации. Наиболее разительные примеры – это Нагорный Карабах в Азербайджане, Северная Ирландия (Ольстер) в Соединенном Королевстве, тамилы в Шри-Ланке в соседстве с тамильским регионом Индии и другие. Но и в этих взрывоопасных ситуациях чаще побеждает общенациональная идентичность и политическая лояльность по стране гражданства, если только за историей взаимоотношений стран и населения не стоит опыт кровавых разборок, а среди политиков-правителей не доминируют воинствующие экстремисты.

Судьба наций-государств в современном мире

Разные страны имеют разный опыт государственной политики и экспертного обеспечения в области этнонациональной, языковой и конфессиональной политики. Почти во всех крупных странах имеются в разной степени напряженности конфликты и даже гражданские войны, в основе которых лежат именно культурные или регионально-исторические различия. Индия на протяжении своего суверенного существования живет с двумя-тремя внутренними вооруженными конфликтами, но тем не менее не снимает со своей повестки концепт индийской нации и тем самым сохраняя свою легитимность и даже территориальную целостность. Сложная ситуация с автономными регионами (Тибет и Синьцзян) в Китае, когда этническая, религиозная, языковая отличительность представляют существенную преграду общекитайскому нациестроительству на ханьской основе.

Эти две крупные страны, во многом сравнимые с Россией, осуществляют разные стратегии этнонациональной политики в связи с разными государственно-политическими системами, но их опыт представляет интерес

для политики гражданского нациестроительства в России. Обзор в целом о современном мироустройстве свидетельствует, что *гражданский (государственный) национализм в разных его ипостасях продолжает играть ключевую роль в системе современных наций-государств*, и, видимо, не меньшую, чем в периоды становления Вестфальской системы первых суверенных государств Европы, распада мировой колониальной системы после Второй мировой войны, а также геополитического катаклизма, вызванного распадом СССР.

Ключевая роль национальных государств обнаруживается не только в разрешении внутренних и трансграничных вооруженных конфликтов конца XX и начала XXI веков, но и в такой неожиданно глобальной проблеме, как пандемия коронавируса в 2019-2021 годах. Именно власти суверенных государств с их способностью обеспечить масштабные защитные меры, включая карантинные ограничения, гражданскую солидарность и готовность подчинения национальному правительству, помогают справляться с распространением болезни⁵.

Как работают современные нации? Здесь многие компоненты и механизмы изменились, но некоторые остаются неизменными. Среди последних это разработка, выдвижение и борьба за саму идею нации. Этот акт «рождения нации» связывают зачастую с какими-то политиками, отцами-основателями типа Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона в США или с борцами-харизматиками типа Махатмы Ганди в Индии, Сунь Ятсена в Китае, Нельсона Манделы в ЮАР, или с влиятельными философами-гуманитариями как Руссо во Франции и Гейне в Германии. «Отцами нации» могут быть и успешные правители-военачальники, как, например, Кемаль Ататюрк в Турции, несмотря на нынешний реванш исламизма, или Гамаль Насер в Египте, несмотря на провалы его политики панарабизма.

Рождение наций или переосмысление идеи нации происходит и в современную эпоху, особенно в связи с геополитическими катаклизмами распада и рождения суверенных государств. Там, где этот процесс успешен, там обязательно есть претендент на титул «отца нации», как, например, Нурсултан Назарбаев в Казахстане, Ислам Каримов в Узбекистане, Гейдар Алиев в Азербайджане. Есть все основания на подобное и у нынешнего Президента Российской Федерации, если бы он смог к тому же еще и поговорить с Махатмой Ганди, но который, к сожалению, скончался до рождения В.В. Путина.

⁵ См.: В.А. Тишков, М.Л. Бутовская, В.В. Степанов. Общество и государство в России и мире в период эпидемии коронавируса / Вестник российской академии наук. 2022. № 4.

